

В.В. ТИТОВ

кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Россия, г. Москва

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ В РЕАЛИЯХ XXI ВЕКА

Статья посвящена анализу ключевых вызовов, адресованных российской национально-государственной идентичности на современном этапе ее трансформации. В рамках исследования были выделены и охарактеризованы четыре фундаментальных социально-политических вызова, имеющих сложную симбиотическую природу. Первый вызов – это деформация ценностно-смыслового поля общероссийской самоидентификации под влиянием фактора информационной глобализации, способствующей активному распространению симулятивных идентичностей. Вторым вызовом – это кризис системы общего социально-гуманитарного образования в России, связанный с трудностями ее адаптации к новым – «цифровым» – реалиям. Третий системный вызов обусловлен институционально-управленческими рисками, генерируемыми инерционным характером государственной политики идентичности в современной России. Четвертый вызов связан с сохраняющейся сложностью выстраивания комплементарной модели идентификационного взаимодействия между федеральным центром и регионами.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, фундаментальный вызов, политика идентичности, массовое сознание, цифровая трансформация.

Проблематика российской национально-государственной идентичности, изучение специфики ее формирования, занимает важное место в предметном поле отечественной политической науки. При этом, как правило, феномен российской идентичности рассматривается сквозь призму различных точек зрения и методологических диспозиций: ценностно-смысловой, идеологической (в контексте поиска интегрирующей «общегосударственной» идеологии), культурно-психологической, институциональной [6; 7; 10;

11. С. 90-105]. Следствием такой ситуации является многообразие подходов к интерпретации национально-государственной идентичности. В рамках данного исследования она трактуется как разновидность макрополитической идентичности, интегративный по своей природе конструкт-представление, вбирающий в себя разнородные образы «нас» как большого политико-исторического сообщества. В первую очередь к таким образам относится образ страны в различных ее проекциях: геополитической, этнокультурной и пространственной, а также образы власти и ключевые темпоральные конструкции – образы коллективного прошлого и будущего [5. С. 158-167].

Следует подчеркнуть, что в работах российских авторов, опубликованных в последние годы, освещается широкий спектр вопросов близких к данной предметной области [1; 4; 8; 12; 13; 17; 18; 19; 21].

Однако проблеме российской национально-государственной идентичности нельзя назвать однозначно исчерпанной. В силу многих объективных обстоятельств изучение обозначенной темы продолжает сохранять высокий уровень актуальности.

Говоря о структурной операционализации национально-государственной идентичности, важно понимать, что в содержательном плане она не исчерпывается только «образной» составляющей. Она интегрирует в свою структуру базовую аффективную установку саморепрезентации политического «мы» в пространственно-временной системе координат, а также символический профиль: пантеон «героев» и «антигероев», знаковые культурные и географические маркеры и т.д.

Отдельный вектор анализа национально-государственной идентичности связан с осмыслением концептуальных оснований и структурно-функционального дизайна государственной политики идентичности. Она, строго говоря, не входит в структуру идентичности как политико-психологического представления (феномена-конструкта массового сознания), но является определяющим макрополитическим фактором ее целенаправленного формирования.

Проблематика политики идентичности также получила широкое освещение в политической науке. Однако в западной традиции 1970-1990-х гг., она трактовалась в достаточно узком ключе, как политика защиты идентичности разнообразных социальных и политических меньшинств [23. Р. 765-773; 22. Р. 87-100]. В частности, на такую редуцированную интерпретацию обращает внимание В.А. Ачкасов: «термин «политика идентичности», утвердившийся в 1960-1970-х годах...на волне подъема массовых социальных движений за права дискриминируемых социальных групп, первоначально употреблялся в значении «практики утверждения ущемленными в социальном статусе меньшинствами и группами... права на общественное признание и легитимность» [2. С. 72].

Тем не менее, изначальная узость такого понимания функциональной роли государства в формировании идентичности была весьма очевидна. На сегодняшний день в концептуально-аналитических схемах политики идентичности ведущее место занимает системно-деятельностный, функциональный подход, опирающийся в том числе, и на положения современных конструктивистских теорий. Он предполагает ее понимание как комплексной, стратегической и последовательной деятельности государства по конструированию установок и паттернов – систем символов и смыслов – национальной самоидентификации. Так, О.В. Попова констатирует, что государственная политика идентичности в современных реалиях является «процессом *сознательного конструирования идентичности* в границах политического сообщества», представляет собой «набор чаще всего закрепленных в юридических актах, но имеющих символическое и идеологическое наполнение политических проектов, практик и инструментов» [14. С. 93-94]. При этом анализ современных политико-управленческих кейсов в целом позволяет говорить о том, что на сегодняшний день ядром государственной политики идентичности, как правило, выступает политика памяти – целенаправленная деятельность по созданию и воспроизводству мемориального «пантеона» в политическом сознании граждан. При этом указанный «пантеон» должен рассматриваться не просто как набор символов и сентенций (интерпретаций отдельных событий), вытекающих только лишь из официального нарратива, транслируемого государственными институтами. По своей сути он являет собой объемное, относительно вариативное, за исключением радикальных эксцессов, когнитивно-символическое пространство, в котором органические коэволюционируют фрагмента социальной памяти и «канонические» версии прошлого.

Рассматривая проблему угроз и вызовов, адресованных российской национально-государственной идентичности, отечественные исследователи, как правило, фокусируют свое внимание на внешнем контуре: глобальных трансформациях современного мира, не ограничивающихся сугубо политической сферой и активно влияющих на психологическое состояние, а также социокультурные императивы развития российского общества. Такой взгляд представляется отчасти оправданным в силу двух обстоятельств. Во-первых, в его основе лежит масштабный взгляд на природу и историческую эволюцию российской государственности, понимание России как самостоятельной и во многом уникальной макроразвития. Это понимание дает возможности выйти за пределы «дня сегодняшнего», не сводя процесс конструирования российской национально-государственной идентичности к инструментальным задачам поддержания текущей функциональности политической системы Российской Федерации. Во-вторых, события последних лет наглядно продемонстрировали, что именно внешний контур является средоточием наиболее явных

и масштабных вызовов российской национально-государственной идентичности. Причем эти вызовы представляются особенно важными еще и по той причине, что они материализуются не автономно, а в контексте «гибридных войн» – комплексного полифункционального инструментария давления на Российскую Федерацию во всех сферах современной политики: военной, информационной, геоэкономической, гуманитарной и т.д.

Однако следует полагать, что указанный взгляд на природу вызовов российской национально-государственной идентичности (который в наиболее общих чертах можно охарактеризовать как цивилизационно-идеологический) несет в себе и ряд методологических издержек. Обозначим некоторые, наиболее очевидные из них:

- гипертрофированное внимание к геополитической проекции российской идентичности приводит к тому, что на второй план уходят все более актуальные внутривнутриполитические риски, сопровождающие политико-психологическую динамику российского общества сегодня (и очевидно важные – в перспективе);

- некоторые из положений данного подхода способствуют сужению поля для структурного анализа российской идентичности: она мыслится не в как эволюционирующий конструкт, а как схема-инвариант, историческая константа, поддержание которой и определяет функциональную направленность государственной политики идентичности;

- нередко игнорируются такие моменты, как идейно-политическое многообразие и социокультурная многосоставность (включая, разумеется, этнический и религиозный компоненты) российского общества.

Последнее обстоятельство – неоднородность и вариативность российской идентичности – является крайне важным. Как справедливо отмечает В.В. Федоров, мы несем сегодня целый «портфель идентичностей», которые могут и совмещаться и не совмещаться друг с другом. Один и тот же человек, находясь, скажем, в отдаленном районе Татарстана, ассоциируется с жителем Казани; приезжая в Москву, он – «татарин»; в Берлине он – русский» [16].

Еще один важный момент: в российской политической науке проблема вызовов и угроз национально-государственной идентичности, начиная с 1990-х гг., сопряжена с рассмотрением первопричин и последствий системного «кризиса идентичности», разразившегося в нашей стране в 1990-е – начале 2000-х гг. Авторы, опирающиеся на такую методологическую диспозицию, справедливо говорят о том, что (несмотря на отдельные позитивные штрихи в государственной политике идентичности 2000-2010-х гг.) негативные эффекты этого кризиса окончательно не изжиты и сегодня. В этих условиях и сам процесс кристаллизации «новой» (или «новой старой») российской идентичности, и государственная политика идентичности продолжают развиваться в русле реактивного реагирования на текущие деструктивные

импульсы внешнего плана (типичный пример таких импульсов – «мемориальные атаки» на культурно-историческое наследие СССР в постсоветских странах), носят не стратегический, а оперативный и среднесрочный характер [5. Р. 158-167].

В данной статье, не претендуя на полномасштабный анализ и градацию всех вызовов, адресованных российской национально-государственной идентичности сегодня, выделим некоторые из них, которые по нашему мнению носят системный, долгосрочный характер и отличаются острой актуальностью. При этом, учитывая, что внешний риск, связанный с девальвацией ценностного фундамента российской идентификационной «матрицы» и экспансией вестернизированных социокультурных образцов, получил весьма широкое освещение в научной литературе, закономерно сделать акцент на более сложных вызовах, которые носят симбиотический характер.

Первый вызов, который требует особого внимания, связан с воздействием глобализационных тенденций на российское массовое сознание [3. С. 35-41; 9. С. 25-41]. Он может быть охарактеризован как *ценностно-смысловой*.

При этом, на наш взгляд, сегодня более корректным является его осмысление не в контексте механической «девальвации ценностей», а в ракурсе цифровой трансформации повседневности, которая является ведущей тенденцией «глобализации 2.0» (в отличие от «глобализации 1.0» 1990-х – начала 2000-х гг., главным атрибутом которой было геополитическое, информационное и, отчасти, культурное доминирование «коллективного Запада»). Результатом такой цифровой трансформации является формирование контуров «виртуальной реальности», выступающей пространством конструирования симулятивных идентичностей. Отличительные особенности таких идентификационных конструкторов – подвижность, экстерриториальность и эмоциональная выразительность в сочетании со слабым когнитивным ядром. В этом случае закономерно и во многом неизбежно происходит рассеивание внимания «среднестатистического» интернет-пользователя: национально-государственный идентификационный статус не разрушается, но перестает быть субъективно значимым на уровне базовых ценностей и поведенческих установок, уступая место новым – симулятивным – идентификационным конструктам.

То есть, относительно устойчивые (до наступления «цифровой эры») образы и символические маркеры национально-государственной самоидентификации поэтапно вытесняются на периферию массового сознания, условно «растворяясь» в потоке симулякров и утрачивая центральное положение в условиях конкурентного «рынка» индивидуальных и социальных идентичностей. Естественно, что многие из этих идентичностей несут в себе конфликтный потенциал (от «ингерманландцев» до «мещеры», материализовавшихся в социальных сетях Рунета в 2010-е гг.), способны

в перспективе оказать дестабилизирующее воздействие на пространство общероссийской идентичности.

Таким образом, *ценностно-смысловой вызов*, заключающийся в разрушении относительно стабильных паттернов самоидентификации, размывании референтных групп и аморфности ответа на вопрос «кто мы?» - по крайней мере, в макрополитическом, «сверхидеологическом» его преломлении. Следует признать, что указанная проблема не является специфической только лишь для современного социума. Ее содержание и злободневность для информационной цивилизации начала третьего тысячелетия весьма точно выражает Ф. Фукуяма: «когда привычный нравственный горизонт ...заменяется какофонией конкурирующих систем ценностей, подавляющее большинство людей не радуются обретенной свободе выбора. Скорее, они ощущают незащищенность и отчужденность, потому что не знают, кто они есть на самом деле. Этот кризис идентичности ведет в обратном направлении – от экспрессивного индивидуализма к поиску общей идентичности, которая вернет индивидуума в социальную группу и восстановит четкие нравственные правила» [20. С. 84].

Второй вызов российской идентичности, который необходимо очертить, также во многом детерминирован цифровой трансформацией социальной (в том числе – политической) архитектуры современного мира. Он может быть определен как *социализационный* или, учитывая российские реалии, *поколенческий*. Он связан с трансформацией институциональных рамок политической социализации молодых россиян. Как правило, при рассмотрении указанного фактора, исследователи заостряют внимание на кризисных тенденциях в развитии школьного социогуманитарного образования в России, неспособности школы как социализационного института обеспечить формирование полноценной национально-государственной идентичности. Отчасти истоки данной проблемы справедливо связывают с тем глубоким кризисом, который переживала российская система образования после распада СССР. Однако более масштабный взгляд на проблему позволяет полагать, что социализационный вызов российской идентичности обусловлен не только этим, но и, что крайне существенно, глубинной трансформацией «пространств повседневности» в которых происходит формирование идентификационных установок детей, подростков и молодежи. Общеизвестно, что сегодня таким ведущим «пространством повседневности» выступает турбулентная, гиперэмоциональная и часто агрессивная цифровая среда – сетевое пространство Рунета. Это отличие, пожалуй, является одним из важнейших для понимания поколенческой специфики формирования национально-государственной идентичности в сегодняшней России. Если кристаллизация идентификационных установок предшествующих политических поколений (включая большую часть «миллениалов»,

первичная и вторичная социализация которых происходила в кризисные 1990-е гг.) от поколения Z.

Не менее симптоматично и то, что российская система общего образования в силу разных причин не до конца приспособилась к цифровым формам коммуникации (что наглядно проявилось в условиях пандемии в 2020-2021 гг.), часто проигрывает конкуренцию более разнообразным, сегментированным и эмоционально выразительным онлайн-форматам. То есть государство, его образовательные институты оказались в ситуации фактической «утраты монополии» на политическую социализацию детей и молодежи, что неизбежно ограничивает их инструментальный арсенал в сфере формирования позитивной общероссийской идентичности.

Третий вызов, адресованный российской национально-государственной идентичности, имеет внутреннюю генетику и может быть охарактеризован как *институционально-управленческий*. Речь идет о внутренних противоречиях и дефектах современной политики идентичности, которая, кристаллизовавшись на государственном уровне к началу 2010-х гг., так и не обрела стратегический характер, отличается дискретностью и очевидным дисбалансом в сторону ретроспективных акцентов. Указанный вызов достаточно редко подвергается научному анализу и часто сводится к негативному «наследию» 1990-х гг., когда слабость институциональной организации государственного управления дополнялась негативным смысловым трендом, задаваемым и действующей на тот момент властью, и оппозицией. В основе этого тренда лежал острый идеологический конфликт, борьба разных в когнитивном плане – но одинаково негативно окрашенных в эмоциональном плане – образов прошлого. Все это комбинировалось с отсутствием каких-либо внятных представлений о коллективном будущем, разрушением эффективного диалога между властными институтами и обществом, неудачными попытками механически заимствовать элементы зарубежного опыта (отсюда и имевшие место ссылки на «шведскую модель», китайское, сингапурское, чилийское и т.д. «экономическое чудо»).

По нашему мнению, указанный вызов, кроме описанного выше ретроспективного аспекта, наследуемого из 1990-х гг., имеет и вполне современное измерение, связанное с необходимостью всесторонней модернизации обратной связи между государством и различными сегментами российского общества. Очевидно, что в условиях радиального изменения информационного ландшафта России, тотальной «интернетизации» всех сфер жизни, государственная политика идентичности уже не может рассматриваться сквозь призму одномерной вертикальной коммуникации – массивной трансляции установок и нарративов «сверху». Государство, не отказываясь от своего центрального места в системе генерирования смыслов и символов общероссийской идентичности, вынуждено искать более гибкие – условно «диагональные» – форматы коммуникации и воздействия на общественное

сознание. Именно выработка таких – адаптивных – схем государственной политики идентичности, релевантных запросам российского общества, представляется наиболее сложным моментом в условиях сильной институциональной инерции, характерной для современной России, склонности реализовывать принятые управленческие решения исключительно посредством интенсификации административных механизмов.

Еще один внутренний и при этом фундаментальный вызов российской национально-государственной идентичности связан со сложностью идентификационного взаимодействия «центр – регионы», включая поиск места «русского» этнокультурного компонента в структуре этого взаимодействия. Более того, звучат мнения, что государство, осознавая сложность и высокую конфликтность данного вопроса, последовательно проводит политику его «замалчивания»: «можно дискутировать, насколько оправданно позиционировать Россию как государство русских. Здесь есть почва для конфликта притязаний. Но проблема в том, что самоцензура затрагивает не только сферу притязаний на государство, но и самоидентификацию...». То есть, «воспроизводство идентичности блокируется или затрудняется» [15].

Серьезность указанного вызова проистекает, в том числе, из идеологической динамики и ценностных размежеваний в российском обществе. Речь идет о присутствии в нем националистически ориентированных сегментов, рассматривающих собственную «этническую» (как «русскую», так и иные) модель идентичности как альтернативу многосоставной общероссийской. На наш взгляд, не менее важно и то, что государство, в полной мере осознавая многоуровневый – условно «матрешечный» – характер российской национально-государственной идентичности, за прошедшие три десятилетия так и не смогло выработать эффективную модель идентификационного взаимодействия по линии «федеральный центр – регионы».

По нашему мнению, выработка такой комплементарной модели идентификационного взаимодействия с учетом этноконфессиональных и, что немаловажно, ментальных особенностей субъектов Российской Федерации должна опираться как минимум на две составляющие. Первая – это поэтапный отказ от «автономизаторской» схемы центр-регионального взаимодействия, сложившейся за последние полтора десятилетия, когда региональная идентичность искусственно и не всегда удачно «деполитизируется» в официальном дискурсе, принимает культурно-мемориальные формы. На смену такой – по существу, тактической – конфигурации может выступать системная деятельность государства по выстраиванию комплементарных моделей самоидентификации в российском обществе. Вторая составляющая – это продолжение политического курса федерального центра на жесткое противостояние этноконфликтным идентификационным конструктам, этносепаратистским и радикально-националистическим тенденциям, в какую бы форму они не были облечены («экономический

национализм», «символический национализм», региональные и локальные «места памяти», «общественные инициативы» и т.д.).

В заключение можно сделать вывод, что российская национально-государственная идентичность, являющая собой сложный и многомерный конструкт, сегодня сталкивается с целым рядом внешних и внутренних вызовов и социально-политических рисков. Среди них особое место занимают такие четыре фундаментальных и симбиотических по своей природе вызова, как деформация ценностно-смыслового поля самоидентификации, кризис системы общего социально-гуманитарного образования, институционально-управленческие риски, а также комплексный вызов, обусловленный сложностью выстраивания комплементарной модели идентификационного взаимодействия между федеральным центром и регионами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. *Аствацатурова М.А., Дзахова Л.Х.* Содержательно-структурная этно-политическая синкретизация российской гражданской идентичности (некоторые северокавказские практики) // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 8 (72).

2. *Ачкасов В.А.* Политика идентичности в современном мире // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2013. № 4.

3. *Гаджиева Р.Г.* Кризис российской идентичности в условиях глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2009. № 2.

4. *Дробижева Л.М.* Российская гражданская идентичность в научно-политических дискуссиях и общественном мнении // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8. № 4.

5. *Евгеньева Т.В., Селезнева А.В.* Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3-1.

6. *Жаде З.А.* Геополитическая идентичность России в условиях глобализации. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Кубанский государственный университет. Ростов-на-Дону, 2007.

7. *Зверева И.А.* Идентичность как философская проблема (социокультурные основания). Дис... кандидата философских наук. М., 2010.

8. *Зорин В.Ю., Аствацатурова М.А.* Большие выборы – 2021 как контекст упрочения гражданского единства и этнокультурного разнообразия российского общества // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 9 (73).

9. *Лапкин В.В.* Метаморфозы идентичности в условиях глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 2.

10. Левкина Ю.Ю., Алимпиева А.В. Дискурсы идентификации и проблема конструирования идентичности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2015. Вып. 12.

11. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2.

12. Медведев Н.П. К вопросу о сущности понятия «нациестроительство». Размышления над прочитанным // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2021. Т. 11. № 3 (72).

13. Михайлов В.А. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: вопросы теории и практических действий // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2013. № 2.

14. Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4.

15. Ремизов М., Рыков С. Русским быть невыгодно. Право на идентичность равнозначно праву на жизнь / Русская народная линия // https://ruskline.ru/opp/2019/maj/31/russkim_byt_nevygodno_pravo_na_identichnost_ravnoznachno_pravu_na_zhizn.

16. Российская идентичность и вызовы времени // РИА Новости // <https://ria.ru/20130819/957220962.html?ysclid=l5nnx6tirj328873159>.

17. Рубан Л.С. Кто мы и как нам не потерять себя в современном мире? (Проблемы социокультурной эволюции современного российского общества) // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 3 (79).

18. Сафин Ф.Г., Ишемгулов М.Н., Скогорев С.В. Особенности формирования идентичностей в многонациональном российском регионе (на примере Республики Башкортостан) // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 3 (84).

19. Федотова В.А. Влияние этнической идентичности на политическое доверие и готовность к политическому поведению у российской молодежи // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 1 (77).

20. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М., 2019.

21. Цуприк М.И. К вопросу об исследовании инструментария изучения политической идентичности // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75).

22. Ackelsberg M. Identity Politics, Political Identities: Thoughts toward a Multicultural Politics // *Frontiers: A Journal of Women Studies*. 1996. № 16 (1).

23. Anspach R. From stigma to identity politics: political activism among the physical: disabled and former mental patients // *Social science and medicine. medical psychology and medical sociology*. 1979. Vol. 13.

V.V. TITOV
PhD (Political Sciences)
Senior Researcher, Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia

RUSSIAN NATIONAL-STATE IDENTITY: FUNDAMENTAL CHALLENGES IN THE REALITIES OF THE XXI CENTURY

The article is devoted to the analysis of the key challenges addressed to the Russian national-state identity at the present stage of its transformation. There are identified and characterized four fundamental socio-political challenges with a complex symbiotic nature. The first challenge is the deformation of the value – semantic field of the all-Russian self-identification under the influence of the factor of information globalization, which contributes to the active spread of simulated identities. The second challenge is the crisis of the system of general social and humanitarian education in Russia, associated with the difficulties of its adaptation to new – «digital» – reality. The third systemic challenge is caused by institutional and managerial risks generated by the inertial nature of the state identity policy in today's Russia. The fourth challenge is connected with the continuing complexity of building a complementary model of identification interaction between the federal center and the regions.

Key words: national-state identity, fundamental challenge, identity politics, mass consciousness, digital transformation.